

Манана Думбадзе

Афганистан сквозь замочную скважину «Барона»

С грузинского. Перевод Владимира Маловичко

«Фараджа-хана нигде не видно, Мустафа закрылся в своей комнате, украшенной пластмассовыми цветами, куда-то исчез американский спецназ, ничего не происходит кроме того, что каждую ночь слышны звуки автоматных очередей, а в небе кругами летают вертолеты.

Можно сказать, что в самом неуправляемом регионе мира — тоска зеленая».

«Книготорговец из Кабула», Осне Сейерстад

Глава 1

Вот уже месяц как меня приютил «Барон» — частный гостиничный комплекс, который в свое время был построен одним из кабульских миллионеров, а сейчас сдан в аренду международной организации. «Барон» наподобие тюремной зоны отделен от внешнего мира высокой железобетонной стеной с токопроводящей проволокой поверху. Тамошняя администрация и американцы ласково называют комплекс «компаундом». А я про себя называю его «исправительно-трудовой колонией с усиленным питанием и активным отдыхом». Под «исправительно-трудовым» я, естественно, подразумеваю исправление собственного и семейного экономического положения в результате хорошо оплачиваемой трудовой и спортивно-оздоровительной деятельности внутри «Барона».

Для того, чтобы попасть в эту колонию, люди добровольно преодолевают довольно сложные конкурсные преграды. Лично мне для занятия должности, несмотря на рекомендации друзей, пришлось пройти через целый ряд телефонных интервью, в результате чего я была назначена директором по коммуникациям одного из афганских проектов Агентства международного развития США. Кстати, аббревиатура названия проекта — «ТАФА» («TAF») — по-грузински значит «сковорода».

Манана Думбадзе — переводчик, литературовед, публицист. Родилась в Тбилиси, окончила факультет западноевропейских языков и литературы Тбилисского государственного университета. Член Союзов писателей и журналистов Грузии, координатор по международным связям СП Грузии. Переводчик англо-американской литературы на грузинский язык (Марк Твен, Уильям Сароян, Рэй Брэдбери, Эрскин Колдуэлл, Джон Апдайк, Сэмюэль Беккет). Живет в Тбилиси. Книга «Афганистан сквозь замочную скважину "Барона"» публикуется в журнальном варианте.

Короче говоря, нахожусь я в бурлящем Афганистане и хочу получить в этой разоренной и измученной стране не только материальные, но и духовные дивиденды: пытаюсь не то чтобы прорубить, подобно Петру Великому, «окно в Азию», но хотя бы приспособить замочные скважины «Барона», чтобы своими глазами увидеть сквозь них кабульскую действительность.

Так получилось, что в «Бароне» в момент моего прибытия находились два лица грузинской национальности: Диана и Тато. Согласно «приговору» (контракту), мне и Диане «присудили по одному году исправительно-трудовых работ», хотя, как мы увидим дальше, мне этот срок несколько урезали, а Диане удлиннили. Что касается Тато, он относился к краткосрочникам: через полтора месяца его там уже не было.

А пока по вечерам мы с Тато играли в спортзале в настольный теннис. Тато оказался сильным соперником и, когда мы оставались одни, учил меня разным премудростям игры. В руках такого тренера я неусузнаваемо повысила свой класс вплоть до того, что не упускала ни одного момента атаковать «топкой»¹. Еще два раза в неделю я начала ходить на йогу. Так что можно сказать, что в «Бароне» моя жизнь вошла в колею активного спортивно-оздоровительного тренажа.

Чтобы мама не нервничала, я соврала ей, что уезжаю на год работать в Америку. Она обрадовалась за меня, но не забыла «подковырнуть»: когда в Грузии люди из кожи вон лезут, чтобы выжить, ее старшая дочь будет нежиться в Америке. Все остальные, знавшие, считали, что на нас непрерывно будут сыпаться бомбы и земля будет гореть под нашими ногами. А вышло вот как: я, окруженная усиленной охраной, лежу в садовом шезлонге комплекса «Барон» «и на солнышко гляжу...».

«Барон» охраняет известный на весь мир британский спецназ. В город ездим в белом бронированном лэндкрузере в сопровождении двух офицеров охраны: афганец за рулем, а рядом иностранец-шутер (по-нашему — снайпер). При каждой посадке в лэндкрюзер шутер вслух повторяет инструкцию по безопасности: что надо делать, если убили водителя, на какую кнопку нажимать, если машина подорвалась на mine и т.д. Конечно же, я очень быстро выучила и начала повторять за шутером инструкцию, как молитву, что очень забавляло офицеров. Но я-то знала: случись что-нибудь нехорошее, я, конечно, не смогла бы ни на кнопку нажать, ни сирену включить и ни бежать сломя голову в укрытие. Такова особенность моего характера: наличие у меня с детства водительских прав никогда не означало, что я могу сделать разворот, не зацепив как минимум две машины.

За стенами «Барона» почти постоянно, особенно во время рамадана, гремела канонада взрывов. В большинстве случаев это самоубийцы (террористы-смертники), которые самовзрываются прямо с каким-то самоубийством. Нельзя забывать, что при этом они взрывают других. Сразу по моем приезде в Афганистан взорвали брата президента Карзая, который, по слухам, был наркобароном. Затем в течение месяца уложили целый ряд губернаторов в разных провинциях. Именно после этого «Барон» перевели на закрытый режим, что означало: наши поездки за территорию комплекса могли происходить только в исключительных случаях.

С коллегами мне повезло: вокруг меня большинство — афганцы. Я очень любила эту команду. Все они, мужчины и женщины, внушают доверие, скромны и улыбки. К тому же и веселы — у всех, несмотря ни на что, исключительное чувство юмора.

В моем распоряжении было четыре афганца и одна афганка. Не думайте, что я ими руководила, я училась у них. Когда они замечали, что я устаю или нервничаю, терпеливо рассказывали об особенностях местного подхода и успокаивали.

¹ От англ. top spin — «верхнее вращение». Атакующий или контратакующий удар со сверхсильным верхним вращением, основное оружие современных игроков в настольный теннис.

Женщины-афганки изящно и с достоинством двигаются в очень красивых цветастых брючных костюмах. Косынки на них тоже цветастые. Афганки с удовольствием обучают меня способам их повязывания на голове, коих огромное множество. Афганки никогда не повышают голоса (мужчины-афганцы тоже), щебечут как птички, с неизменной улыбкой на лице.

— Какие они веселые, говорю я Гюнтаи (Гюль).

— Это женщины, прошедшие войну, — отвечает она, — им надо совсем немного, чтобы стать счастливыми и веселыми.

Дома я в основном смотрю по телевизору Аль-Джазиру, что равносильно самоистязанию типа шахсей-вахсей. Несмотря на то, что такого количества актов насилия не показывает ни одно телевидение мира, мне кажется, что это один из наиболее надежных и независимых источников информации. Сейчас, например, в эфире высокопоставленный военный чиновник, полковник НАТО, заявляет, что талибы упорно продвигаются к Кабулу, но это не впервой: «Кабул мы не уступим», — обещает он.

Большое спасибо, уважаемый полковник, но вы уверены, что талибы не посмеиваются над такими самоуверенными заявлениями? Однако что делать полковнику НАТО? Наверное, советские полковники и генералы говорили то же самое, когда моджахеды приближались к Кабулу.

В «Бароне» помимо ресторана, кафе, спортивного зала, плавательного бассейна и минимаркета имеется салон красоты. Хозяйка — женщина пока еще не установленной национальности по имени Мария. Она слегка прибалтненная и говорит на таком русском языке, что невольно чувствуешь себя лицом к лицу с одесской Муркой. Сама она утверждает, что наполовину таджичка, наполовину турчанка, хорошо знает языки пушту и дари, поэтому с местными общается свободно.

Со мной она говорит громко и применяет такие блатные выкрутасы, что уши вянут. Хорошо, что афганцы из «Барона» почти не знают русского языка: они меня перестали бы уважать. С другой стороны, из-за того, что в памяти афганцев все же остались его отдельные «обломки», они то и дело заговаривают со мной на ломаном русском, игнорируя мои напоминания, что я свободно владею английским. А иногда мне хотелось сказать им: «Ребята, я грузинка, говорите со мной по-грузински! Не знаете? Я вас быстро обучу!»

Мария приходит в салон, когда ей заблагорассудится. Говорит, что в «Бароне» нет работы, разве что заказы на массаж. Она очень любит поболтать, но из-за того, что «строчит» как пулемет, собеседник быстро устает. Мне тоже было трудно, но я упорно слушала, потому что ее рассказы о национальном характере афганцев, их традициях и обычаях очень познавательны.

— Я, б..., двенадцать лет здесь живу и одеваюсь как они: черное платье, головная повязка, иногда чадра. Так я почти не привлекаю внимания. Спасает еще и то, что я говорю на их языке. Здесь у меня много близких: недавно я была в Кандагаре на свадьбе, — рассказывает Мария.

— В Кандагаре? А как ты туда попала? Вчера, по крайней мере семь раз объявляли ракетное нападение. Туда самые смелые журналисты отказываются ехать, а ты, пышная блондинка, так, между прочим, говоришь: «Вчера была в Кандагаре».

Мария смеется:

— Б..., чего ж ты удивляешься, я же сказала, что говорю на их языке, живу по их обычаям, являюсь дочерью этой страны. Никто не имеет ко мне никаких претензий. Что с меня взять? Эти же не успокоятся, пока не сделают свое. Как тебе объяснить? Они как орлы — любят свободу. Их, мать твою, войной не возьмешь! Войной привести их в порядок невозможно!

Мария говорит, что талибы — в основном пуштуны, которые составляют сорок процентов населения Афганистана, то есть представляют большинство. Они претендуют на управление страной. Все остальные, по их мнению, — быдло и изменники.

По восточному солнечно-лунному летосчислению сейчас 30-е асадия 1390-го года (6-й месяц года). Мой муж Вадик говорит: в каком веке находятся, так себя и ведут.

Э!.. Откуда Вадика знать, кто в каком веке живет и какое летосчисление ближе к истине. Факт тот, что все это происходит на нашей общей планете, под одним и тем же небом и в одно и то же время, и вместо того, чтобы жить мирно и спокойно путешествовать по Земле, люди строят дорогостоящие защитные укрепления, чтобы высовывать оттуда языки друг другу, плевать и ругаться.

Итак, я приветствую вас из Афганистана девяностых XIV века! Ну-ка вспомните, что в это время происходило в Грузии? Черт знает что...

Глава 2

Когда я летела из Дубая в Кабул, в салоне самолета ко мне подседала благообразного вида женщина средних лет по имени Мина. Она оказалась афганкой, но не современной, а тех времен, когда кабульский стиль воспитания включал в себя европейские и советские элементы, такие как обязательное хождение на музыку, английский, плавание и теннис; в тинейджерском возрасте — ношение мини-юбок, а в студенческом — обязательное обучение в ленинградских и московских вузах. Мина, как выяснилось, училась в Ленинграде и там познакомилась с будущим мужем-афганцем. Сейчас они с детьми живут и работают в Мюнхене. Мина летит в гости к брату, крупному афганскому бизнесмену, учредителю единственной в Афганистане компании по производству минеральной воды. Он имеет вес в деловых и правительственных кругах Афганистана. Между прочим, получил высшее образование в США.

Как «птенцы из одного, советского гнезда», мы с полуслова поняли друг друга и быстро сблизились. Она с восторгом говорила о России, видимо, не зная, что сегодня между Россией и моей родиной Грузией отсутствуют дипломатические отношения.

— Тогда мы жили нормально. Русские никогда не вмешивались в нашу жизнь. А сейчас, если не завернусь в национальные одежды, я не могу выйти на улицу. Действительность такова, что всех устраивает, чтобы в Афганистане был постоянный кавардак. А поскольку афганцы без войны жить не могут, война там не кончится никогда, — категорично и рассерженно заявляет Мина.

— Кабул красивый? — задаю я отвлекающий, по моему мнению, вопрос.

— Что было красивое, все сломали, превратили город в пыльные развалины: смотреть страшно! Мне очень тяжело это говорить, но я потеряла надежду, что моя страна сможет возродиться из пепла, — поставила ужасный диагноз своему многострадальному Афганистану Мина с высоты своего европейского положения. Интересно, что, по моим наблюдениям, и наши грузинские эмигранты придерживаются такого же мнения относительно Грузии.

Фериде из «Барона» — тоже афганка, вернее, молодая афганская девушка, окончившая колледж в Калифорнии. Ее тоже тянет туда, где не обязательно покрывать голову платком и поститься во время рамадана, где можно ходить в хлопчатобумажных голубых джинсах — иными словами, туда, где обычная цивилизованная жизнь.

Фериде — единственная дочь у матери. Отец погиб, когда она была маленькой, из-за чего им с матерью пришлось жить то у одного, то у другого, то у третьего дяди. Она очень старается быть настоящей американкой: манерами и интонациями. Ей повезло: она устроилась на работу в американскую компанию. Сейчас собирается отправиться на курсы в Калифорнию, где, по ее словам, намерена во что бы то ни стало выйти замуж. Но пока, в нашем проекте, она положила начало одному хорошему делу: вместе со своими афганскими партнерами покупает на кабульском базаре овощи, красиво их упаковывает и каждую субботу устраивает в нашем компаунде

маленький базар, естественно, с небольшой наценкой. На вырученные деньги девочки помогают детским домам и приютам для престарелых улучшать питание. Эта инициатива выгодна и нам, так как на базар мы практически попасть не можем, а у овощей, купленных в маркете, как правило, привкус упаковочной пластмассы, и стоят они очень дорого.

В «Бароне» Фериде ходит, как мы, без головного платка. Вечером она возвращается домой на секонд-хендовой «тойоте». Она уже так «заражена» западной идеологической эмансипацией, что ей порядком надоело, находясь на улице, получать из афганской толпы оскорбления, которые она «заслужила» по причине любви к новаторству и движению «против течения». Женщины неафганской национальности, живущие в «Бароне», считают, что в условиях Афганистана Фериде — героиня. Американка Денис говорит, что за восемь лет своей работы в Афганистане это только третий на ее памяти случай подобного проявления мужества: на днях в деревне недалеко от Нандагара камнями забили мать и дочь, которые посмели выйти из дома без мужского сопровождения.

«Барон» представляет собой поистине вавилонское столпотворение всемирных и всеафганских сил по спасению и возрождению Афганистана. Так же, как в Грузии, здесь верят, что страна обязательно возродится. Но пути возрождения, в отличие от Грузии, выбраны излишне радикальные. Маршруты этого радикализма пролегают от Кандагара к Кабулу с погромами деревень и последующим поднятием их на воздух.

Упаси господь от такой участи наш «Барон»! Легкой паники достаточно, чтобы все, от мала до велика, вмиг забыли всеильный английский язык, и я, например, на временно отложенном в сторону родном грузинском взвыла бы: «Вай, Деда!» («Пронеси, Господи!»).

Директором нашего проекта является Абдулкадер Эд Элрахал. Мы его называем просто Эд. Эд ливанец, он управляет административной и технической частью, включающей четыре отдела. Одним из отделов руководит австралиец по имени Энди. Вторым — канадка Кармел, третьим — американец Фредди, четвертым — афганка Гюнтаи (с ней читатель уже знаком). Я, директор по коммуникациям — грузинка. Приглашенные эксперты: боснийка, индусы, таджики, киргизы, филиппинцы, японцы. Базовые сотрудники, ассистенты — афганцы. Безопасность обеспечивает британско-южноафриканско-непальская бригада. Все эти люди хорошо владеют английским и общаются на нем.

Хуже всех по-английски здесь говорят британцы. Они даже друг друга понимают с трудом, потому что собраны из разных мест Британии, где наречия сильно отличаются друг от друга. Самого «речистого» зовут Пол. Его очень уважают и говорят, что он хорошо знает «королевский английский». Пол не позволяет себе говорить на каком-нибудь местном наречии. Нетрудно догадаться, что у этих отборных молодых людей, красивых и ироничных, нет проблем с поиском партнерш и любовными свиданиями. Им остается лишь проделывать селекционную работу...

Бронированный автомобиль везет меня в американское посольство на рабочую встречу. На этой дороге я впервые. Проезжаем мимо разных посольств и домов членов правительства. Все дома окружены высокими железобетонными стенами с колючей проволокой, на земле — горы мешков с песком. На зажатой между этими «стенами» серой улице довольно редко встречаются живые существа: это или нищие или совершенно неожиданный для такого пейзажа одинокий афганец-велосипедист в пыльном национальном костюме, на старом погнутом драндулете. Женщины-нищенки, как в Тбилиси, шастают в основном по середине проезжей части центральных улиц с грудными детьми за пазухой. В афганском варианте они носят голубые чадры. Дахунда сказал, что цвет чадры зависит от провинции: в Кабуле носят только голубые.

Афганские женщины называют чадру ходячей крепостью и страшно ее не любят.

В Кабуле, например, ходить в чадре не обязательно, и этой свободой пользуется очень много женщин. Но в провинции, в дальних деревнях, отказ от ношения чадры равносильен смертному приговору, который ты сама себе выносишь. Поэтому разговоры о том, что чадра — прекрасная экзотическая одежда, очень меня раздражают. На фотографиях в Фейсбуке чадры блестят и светятся от чистоты голубым светом. Это тебе не вываленные в многовековой пыли и грязи мятые и выцветшие одеяния, которыми заполнена вся афганская земля.

Уличный лабиринт наконец кончился, и мы выехали на залитое солнцем пространство. Чем ближе мы подъезжаем к американскому посольству, тем зеленее и красочнее становится окружение. Под конец мы проехали многошлагбаумную аллею, украшенную красивейшими разного рода цветами. Автомобильный контроль отнял у нас полчаса, после чего мы въехали на территорию посольства.

Само главное здание по своей архитектуре показалось мне довольно безвкусным. Оно весьма похоже на наш ИМЭЛ (бывший Институт марксизма-ленинизма на проспекте Руставели в Тбилиси). В пяти-шестиэтажных корпусах вокруг здания посольства живут штатные сотрудники. Здесь же, на территории посольства, стоит очень много окрашенных в голубой и белый цвета специальных вагонов, где живут специалисты, находящиеся в Кабуле в краткосрочных командировках. Внутри — красивая мебель и всякое домашнее оборудование, интерьер очень симпатичный. Рабочая встреча происходит как раз в одном из таких вагонов, но гораздо большего размера.

Агентство международного развития США организует такие рабочие встречи для своих специалистов по коммуникациям, где знакомит их с новыми требованиями и правилами отчетности, каждый третий месяц. Встречи похожи на международные форумы, потому что на них собирается большое количество людей самого разного происхождения, цвета кожи и вероисповедания.

Отличие этой конкретной встречи от прошедших заключается в том, что посольство из уважения к традициям проходящего рамадана предоставляет участникам только воду, да еще с просьбой не особенно увлекаться ею на глазах у мусульманских участников. Меня это раздражает не потому, что я очень люблю кофе, а потому, что никто и никогда в христианском обществе не посмеет запретить кому-либо угощаться мясом и сыром на глазах у постящегося христианина. Наоборот, постящихся строго предупреждают не создавать неудобств не постящимся, и если хозяин стола очень просит отведать мясное блюдо — сделай милость, попробуй его.

В общем, я оказалась свидетелем обычной дискриминации: во время рамадана о духовном состоянии мусульманских коллег заботится вся конференция, остальным, «безбожникам», во время перерыва, в скрытой отдаленной вагонетке продают холодный и горячий кофе по завышенным ценам.

Вот так поставлено дело у местных. Их совершенно не интересует, что о них думает «цивилизованный» мир. Они абсолютно уверены, что все на этой грешной Земле только и мечтают присвоить их природные ресурсы. «Не получите!» — громко глаголят они на каждом шагу. Это их кредо в многовековой борьбе то с внешним, то с внутренним врагом. Когда из их страны — многоцветного восточного ковра — оказывается вытряхнута вся вражеская иноземная пыль, начинается большая «стирка» ковра, чтобы отмыть его от местной «нечисти». И так без конца. Война за возрождение когда-то сильного, великолепного Афганистана не кончается.

Вы не поверите, но я заметила у многих афганцев, особенно афганок, ностальгию по временам либерального короля Дауда и советского режима (60-е — 70-е годы прошлого века); по тем прошедшим временам, когда молодые афганские женщины ходили на работу без сопровождения, в одежде, которая позволяла им безнаказанно гордиться своими красивыми ногами, заниматься спортом,

посещать бассейн и при наличии средств получать современное качественное образование...

Один мой сотрудник с улыбкой вспоминает, что социалистическое правительство платило каждой семье 5 000 афгани за каждого ребенка, который начинал ходить в школу, так что многодетные родители вполне могли не работать, что они и делали: каждый год в школу приходил следующий ребенок.

«За счет этого закона мои родители на моем посещении школы хорошенько подзаработали», — мило улыбается Хасиб. Улыбаюсь и я, но не потому, что он плохо говорит по-английски, нет, он, как и все афганские сотрудники, прекрасно владеет языком. А потому, что в этом факте есть какая-то странная, непонятная для меня философия. Не зря в гениальном советском фильме «Белое солнце пустыни» герой неоднократно произносит ставшую классической фразу: «Восток — дело тонкое!»

Талибы ведут себя точно так же, как афганские комары: в темноте они борются и кусаются, на свету — отступают (в противоположность нашим). Притаившись в темноте, они следят, когда ты споткнешься и заступишь на их территорию, что делать дальше, они прекрасно знают.

Сегодня в англоязычной «Афганистан таймс» было написано, что «...в провинции Центральный Парван полиция обнаружила ограбленные трупы двух германских туристов, пропавших две недели назад. По делу об убийствах задержаны четыре кучи (кочующие племена в Афганистане), следствие продолжается».

Глава 3

У афганцев два государственных языка: дари и пушту. Нетрудно догадаться, что пушту — язык пуштунов. Кстати, между мной и пуштунами установились очень близкие и, я бы сказала, веселые взаимоотношения. На их языке «манана» означает «спасибо», а «дейра манана» — большое спасибо. Когда они говорят: «Дейра манана», они смягчают звук «р» и получается «дейда манана», что по-грузински означает «тетя Манана». Стоило пуштунам это узнать, как они при каждой, даже мимолетной встрече издали кричали мне: «тетя Манана» и заливались смехом. Если сначала «тетя Манана», услышанное от молодого продавца в магазине, воспринималось мной как излишняя фамильярность и даже раздражало, то теперь обращение «мэм» мне уже не нравится. Получилось, что благодаря этой «тете Манане» я стала звездой «Барона»: сегодня все знают меня в лицо.

14 августа 2011 года. Фактически впервые выхожу за пределы «Барона» в животрепещущее афганское и международное общество: наш проект открыл на территории Торговой палаты торгово-сервисный центр. Об успехах этого центра я должна написать эссе и отснять видеоклип. На бронированном автомобиле в сопровождении охраны я прибыла в Торговую палату. Неудобство заключается в том, что «Барон» находится на окраине Кабула, между аэропортом и находящейся в пятнадцати минутах ходьбы от него базой НАТО.

Объекты, которые нам разрешается посещать, это пять ресторанов: «Боккаччо», «Белла Италия», «Лебанон», «Гандемарк», «Бистро», два маркета — «Чиано» и «Файнест» — и художественная галерея «Сардоза». Они находятся рядом с «Бароном», поэтому в центр города и в такие колоритные места, как «Чикен стрит» (Куриная улица), Птичий базар, «Баги занана» (Женский сад) и другие мы никоим образом не попадаем. Соответственно, мой выход в новое место можно приравнять к открытию нового континента. Сотрудники-афганцы порой предлагают мне прогуляться или зайти к ним в гости, но наша охрана смотрит на это так, как рекомендовано службой безопасности: не входить в интимные отношения (в широком смысле) с местным населением и местными сотрудниками! Малейшее нарушение инструкций службы

безопасности ведет к увольнению и, соответственно, выезде из Афганистана в 24 часа.

Если бы я не увидела своими глазами, как охрана заставила быстро собрать вещи и отправила в аэропорт сотрудника, без разрешения съездившего в аптеку за лекарством, я бы не поверила. Водитель спасся лишь потому, что был афганцем и это произошло с ним впервые: он получил строгое предупреждение. Дело в том, что заявка на автомобиль должна быть подана за 6 часов до выезда. К сожалению, правила не делают скидки на «острую зубную боль».

С другой стороны, претензий к охране быть не может, поскольку, случись что, охранник в лучшем случае теряет работу, в худшем — отправляется прямо на небеса, потому что какой-нибудь шахид — ходячая бомба — может взорвать себя в самом многолюдном месте, прихватив с собой в обещанный ему рай от пяти до двадцати человек. Короче говоря, центральная часть Кабула, за редкими исключениями, нам недоступна. А попасть на Куриную улицу, где, по рассказам, выставлены на продажу все афганские богатства, — и мечтать не приходится. В таких жестких условиях посещение Торговой палаты равносильно посещению Бамиана (исторический край Афганистана, где талибы взорвали уникальные скульптуры будд). Торговая палата размещена в помещении бывшей гостиницы с довольно зеленым окружением — остатки былой роскоши.

Как следует из исторических документов и видно по фотографиям, Кабул был довольно зеленым городом с изумрудными скверами, в которых цвели розы. Об этом свидетельствуют необыкновенно ухоженные цветущие сады вокруг министерств и посольств, аккуратно прибранные зеленые территории бывших советских поселений, огороженные дворы международных организаций и территории других охраняемых организаций.

Сегодня в Кабуле, как и на тбилисском Плехановском проспекте, не увидишь многолетних лиственных деревьев. Все они срублены или взорваны. А бутоны вновь посаженных розовых кустов покрыты толстым слоем пыли, из-за чего они быстро вянут. На таком фоне территория «Барона» радует глаз. Наш сад подобен райскому: двухэтажные корпуса окружены скверами с красными и черными королевскими розами. Изредка среди них, словно микровзрывы, возникают желтые и белые розы. На зеленом ковре двора цветет тысяча разновидностей полевых цветов. Такая же картина — во дворе Министерства женского развития и в Женском саду.

Торговая палата и торгово-информационный центр нашего проекта сегодня принял до 30 афганских женщин — работниц торговли. Они пройдут тренинг на тему: как развить собственный бизнес с помощью веб-страницы нашего информационного центра и как осуществлять электронную коммерцию (e-commerce).

На первый взгляд, трудно поверить в совместимость афганских женщин и бизнеса, тем более электронного. Но афганки, подобно грузинкам (правда, с отставанием на 30 лет), поняли: если они не «зашевелятся», их увлеченные войной мужья загубят и дела, и семьи. Поэтому в чадре или без чадры, с детишками за спиной, они берутся за выполнение женской и мужской работы в своей семье. Иногда подключают к своему бизнесу мужей. Если это удастся, их счастью нет предела.

Среди 30-ти приглашенных деловых женщин были юные, молодые и пожилые, красивые и менее красивые. Вообще, внешность афганской женщины, по-моему, особая тема, которая достойна отдельного рассмотрения. Одно я знаю точно: в этой стране полностью разрушилось мое представление о восточной женщине с округлыми бедрами, красивым ртом и кожей персикового цвета. Большинство местных женщин — тонконогие, немного выше среднего роста, бледнолицые. Красота тела и изящество движений угадывается даже под чадрой. Эти скромные и спокойные женщины, которые пока не решаются показать свое лицо в интернете, демонстрируют удивительные способности в торговле и предпринимательстве. Те знания, которые

были накоплены веками их предками, начиная с вышивания и кончая изготовлением ковров, они аккуратно собрали и вынесли на все местные и международные рынки. По инициативе женского министерства, женщин, отличившихся в успешной бизнес-деятельности, четыре раза в год бесплатно посылают на международные ярмарки и помогают им рекламировать свою продукцию.

Не успела я выложить в Фейсбуке фотографии нескольких таких женщин, как тут же один фейсбуковский «френд» спросил меня, правда ли, что они находятся в таких невыносимых условиях, как об этом говорят? Мне стало жалко, что об афганских женщинах знают только это. Весь мир видит лишь то, что они оскорбленные, забытые и забытые... Поверьте, сами афганки отнюдь не довольны имиджем несчастных жертв. Они обижены тем, что никто не замечает, какие они гордые и сильные. И правда, почему-то никто не говорит об их ясном уме, трудолюбии, их жажде к учению и, что самое очевидное, их красоте и обаянии.

Вот и сейчас, по тому же Фейсбуку, моя филиппинская коллега прислала мне выписку из афганской газеты (знает, что я собираюсь писать книгу об Афганистане), где написано, что муж некой Розии Д. на протяжении двух лет наказывал жену побоями. А когда Розию в тяжелом состоянии привезли в больницу, экспертиза показала, что пострадавшая была девственницей. Конечно же, побои — это очень нехорошо, но европейцы, американцы, русские — все мы ведь тоже не подарок. Просто мы продумываем прикрытия, одно из которых хорошо сформулировано русскими: «Бьет — значит любит!» Очень хитрая позиция. Или другое, наше, грузинское: «Женщину я признаю только на кухне».

Недавно я присутствовала на лекции Мины Шерзой на тему: «О культурно-бытовых афгано-западных различиях». Больше всего мне понравилось такое ее замечание: «Уже давно я работаю над проектами ментального развития афганских женщин, но только сейчас поняла, что в Афганистане нет женской проблемы. В Афганистане сегодня необходимо поднимать образование и развитие мужчин, чтобы они догнали в своем развитии женщин. Все несчастья войн, все нововведения ложатся на плечи женщин. Все репрессии касаются в первую очередь их. Поэтому у афганских женщин, в сравнении с мужчинами, выработалась гораздо более сильная тяга к прогрессу и самоутверждению».

Мина — из дипломатической семьи, уже два десятка лет живет в Калифорнии и работает в американских правительственных проектах в Афганистане, является квалифицированным специалистом в области сравнительного изучения американской и афганской культур. «Все выиграла от афганских войн, кроме афганцев. Коммунизм развалился, Германия объединилась, Пакистан возродился. Только мы потеряли уйму людей и оказались на развалинах», — эти горькие слова тоже принадлежат ей.

Я и Набила... Как правило, я не называю фамилий, но это потому, что в Афганистане имена имеют большее значение, чем фамилии. Там и меня называли мисс Манана, а не мисс Думбадзе. При этом на дари «думбадзе», оказывается, означает «виляние хвостом». Один «поклонник моего таланта» по-дружески посоветовал: забудь ты эту неприличную фамилию, есть у тебя нормальное имя — ну и подписывайся им.

Мы нащелкали с Набилой кучу фотографий, и я с радостью сообщила, что это — прекрасный материал для Фейсбука. Она с грустью посмотрела на меня и попросила не поступать с ней так: она от этого пострадает. Я тут же пообещала не делать этого.

— Тогда зачем тебе столько фотографий? — спросила я.

— Это — память о нашей дружбе. Сделаю альбом и назову его: «Дружба с Мананой», — ответила Набила.

Набила в нашем проекте руководитель гендерной части. Она помогает афганкам в развитии бизнеса.

Из окна бронированной машины я вижу группу афганок в чадрах. Они вместе

переходят дорогу. Видимо, это жены одного мужчины. Я с интересом провожаю их взглядом и слышу гордое заявление Набилы:

— У меня таких две. Одна здесь, а другая в деревне.

От удивления у меня отвисла челюсть: вот тебе и руководитель гендерной программы! Позднее Грейси, австралийка, которая вот уже 7 лет живет в Афганистане, сказала мне, что Набила родом из Нандагара, а там женщина еще миллион лет не сможет пройти по улице без чадры. Более того, в Нандагаре даже иностранки носят чадры. Чадра здесь надежнее любой кольчуги или бронжилета.

— Набила, грех не позволять мне выставить на Фейсбуке такую красавицу, — не унимаюсь я.

— Это ты еще меня не видела подкрашенной, когда я иду на свадьбу или еще на какое событие. Ты бы меня не узнала. У меня такой макияж, что все спрашивают меня, кто я такая.

Я решила, что она перебарщивает, но Френсис Хардин из нашего офиса подтвердила ее слова:

— Представь себе, моя ассистентка, нежная и утонченная Зухра, сегодня принесла мне фотографии своей помолвки. Я была поражена: моя малолетняя стыдливая простушка была там в таком вызывающе открытом платье и с таким вульгарным макияжем на лице, что любая куртизанка ей бы позавидовала.

— Ну и что? — ответила Френсис Грейси. — Это их карнавал, который устраивается лишь раз в жизни. Это больше похоже на шоу, клоунаду, маскарад, показ костюмов. Мне нравится такой макияж, я называю его «Кабуки». Правда, здесь обнаруживаются талантливые и бесталанные режиссеры. Мне довелось видеть как шедевры, так и китч.

Мы с Набилой усталые, но довольные вернулись из Торговой палаты: Набила установила со мной дружеские отношения, а я установила их с другими афганками. Можно сказать, что одну ячейку большого улья я заполнила сладко-горьким афганским медом. Остальные соты пока пустые, но куда-нибудь я снова просуну свой пчелиный хоботок, а он у пчел грузинской породы самый длинный.

Глава 4

«Файнест» — это маркет типа нашего «Гудвила». Их в Кабуле четыре. В двух уже самовзрывались талибы, и туда нас пускать воздерживаются. Мы ходим в менее опасный, в «Файнест», который находится рядом с «Бароном».

У афганцев к «Файнесту» приблизительно такое же отношение, как у нас к «Гудвилу»: тот, кто любит хорошо и дешево поесть, идет на базар. Дианины афганские друзья помогают нам в этом: приносят с кабульского базара свежие продукты. Например, молодых кур. В Афганистане на базаре продают только живых кур. Ты выбираешь курицу, ее тут же режут и не ощипывают, как у нас, а снимают с нее шкурку, которая считается перенасыщенной холестерином.

Когда мы посещаем «Файнест», наша служба безопасности ходит за нами по пятам между торговыми рядами и прилавками. Наиболее спокойно я чувствую себя, когда нас сопровождает Пати (Патриций). Это сухопарый ирландец среднего роста, чрезвычайно скромный, с постоянной улыбкой на устах. Он из британского спецназа. Работал везде, где только возникали «горячие точки»: Африка, Азия (Средняя и Центральная), Восток (Ближний и Дальний), Иран, Ирак. При этом у него совершенно детский взгляд. Из всего британского спецназа это единственный человек, который говорит на понятном английском языке. Пати похож на старого грузинского безработного интеллигента, одного из тех, кого жизнь «смыла в помойку». Кто бы мог подумать, что этот небольшого роста голубоглазый ирландец, необычайно скром-

ный, с большим чувством юмора, наводил ужас на талибов: в афганских горах на него была объявлена охота. Он старше других спецназовцев, ему эдак под сорок, из-за чего он, видимо, и снят «с передовой», но продолжает работать в частных компаниях.

Каждый раз, когда нам нужно ехать за покупками, мы просим, чтобы нас сопровождал Пати. Вы, наверное, представляете себе, какое «удовольствие» охранять трех женщин, бегающих по магазинам. Но профессионал — он и в магазине профессионал. Подвижный, как ртутный шарик, он бесшумно перемещается между торговыми рядами и прилавками и неизменно появляется именно в тот момент, когда возникает вопрос: где он? Это поддерживает уверенность, что он всегда рядом.

19 августа в Афганистане большой праздник — День независимости (день изгнания британских империалистов из страны). В этом году 92-я годовщина этого события, и афганцы вот уже второй день празднуют его. Я искренне разделяю радость афганских друзей, но огорчена из-за того, что нас сегодня никуда не отпускают. Служба безопасности заявила, что сегодня и завтра мы будем безвылазно сидеть дома. Надо было запастись товарами заблаговременно и нечего теперь ныть! На нет и суда нет! Единственный выход — забраться в свою нору и с горя немного выпить. Уж что-что, а это службой безопасности не запрещается и не контролируется.

Весна разбудила меня ужасной новостью: «Включи телевизор, взорвали здание Британского совета!» Шести террористам-смертникам удалось проникнуть в здание (для меня остается загадкой, каким образом им удастся проникать внутрь охраняемых помещений), взорвать себя и забрать с собой на тот свет девять полицейских — хотя не до конца пути, потому что для самоубийц врата рая, как считается, открыты, а для полицейских... не знаю.

Вслед за этими взрывами последовали взрывы в пригородах Кабула и в нескольких других афганских провинциях. Вот таким «фейерверком» отметил Афганистан 92-ю годовщину освобождения от британского господства. Надеюсь, что к 92-й годовщине освобождения от господства США я не буду нигде: ни близко, ни далеко. Скорее всего, я уже буду предана моей любимой грузинской земле. А у моего афганского друга Мустафы на этот счет ответ готов: «Ты этого знать не можешь, это — жизнь!»

«Барон» — интересная «страна», граждане которой все время должны быть в напряжении, потому что никто не знает, когда включится тревога (да, настоящая боевая тревога). Но, как любая страна, «Барон» заселен людьми, с которыми то и дело происходят курьезы. Например, в корпусе по соседству с нами у одного американца в квартире взорвался газовый баллон. Он никогда в жизни не пользовался газовой плитой и неудивительно, что однажды оставил газ открытым. По возвращении домой он сначала чуть не задохнулся, а потом печка взорвалась, и взрывная волна отбросила его довольно далеко. Надобности вызывать охрану не было: четыре бронированные машины уже были на месте. Американец-то остался жив и здоров, но в «Бароне» была объявлена широкомасштабная тревога. Начались поиски «смертников» с помощью собак и миноискателей. Тревогу отменили только тогда, когда пострадавший пришел в себя и честно во всем признался. На второй день пришел приказ о демонтаже всех газовых плит и установке электрических. На замену ушел месяц, и этот месяц мы все готовили пищу на одной маленькой электроплите.

Однажды, придя домой на перерыв, при входе в свой корпус я обнаружила весьма комичную картину. Люди моего поколения помнят гениальный грузинский фильм «Серенада», где Зозо Бакрадзе, замученный наскаками Рамаза Георгобиани и окруженный сотней унитазов, сидит, подобно Мыслителю Родена, на одном из них и строит планы выхода из создавшейся ситуации. И вот вижу: наш директор по хозяйственной части Хашим, который габаритами не уступает Зозо, сидит на одной из сотни газовых плит в такой же позе. Я прыснула со смеху. Не знаю, что вспомнил Хашим (наверняка не «Серенаду»), но, увидев меня, он захохотал и сквозь смех сказал: «Это что, приходи минут через двадцать — еще не так похочешь». Через час

Хашим стоял на одной из газовых плит завернутый, как древнеримский оратор, в белый шалвар-камиз, держал в руках гроссбух и проводил аукцион.

Плиты были раскуплены обслуживающим персоналом «Барона» за копейки в один миг. Так закончилась очередная гуманитарная акция США—Афганистан — акция компенсации «психологической травмы».

Глава 5

По вечерам я полностью переключена на Фейсбук, из которого следует, что нынче вся Грузия увлечена историей снятия с работы своего выдающегося режиссера Роберта (Робико) Стуруа. Протестуют все, включая самого маэстро. А мне кажется, что наш Робико на старости лет сделал постановку шикарного спектакля и триумфально, по красному ковру, шествует туда, где его всегда ждут, где еще знают ему цену. А руставелевский театр на определенное время попадает в руки махровых провинциалов, и начнется эра ожидания возвращения маэстро Робико. Разрозненной и побитой грузинской оппозиции требовалась именно такая пощечина — кто как не Робико Стуруа со своими руставелевцами способен в такой момент сделать жест, выйти на охоту?

Не будь я заточена в эти четыре стены, я вообще не впутывалась бы в это дело. «Баронская» действительность несколько изменила мое мировоззрение. Я ушла от «высоких материй», спустилась на землю. Меня смешат все проблемы, кроме миротворческих, мои фейсбуковские друзья!

Сегодня мы с Тато, как обычно, играли в пинг-понг в спортивном зале, который, как оказалось, одновременно был бункером: без окон, с бетонными стенами, двухэтажный. Четырехзальный «подвал» с внутренним балконом полностью покрашен в белый цвет. Поэтому стены не давят на психику. Зал постоянно заполнен. Здесь я занимаюсь йогой и ежедневно, с семи до десяти вечера, принимаю участие в турнирах по настольному теннису.

Тато надоело играть с таким «фрайером», как я, и он решил серьезно заняться повышением класса моей игры. К тому же он хотел, чтобы в будущих играх, без него, я достойно поддерживала честь грузинского флага, под которым выступала. Мы оба сильно напряглись и под конец пребывания Тато в Афганистане стали абсолютными чемпионами «Барона» по пинг-понгу.

Сегодня во время разминки явилась Диана и сказала, что, по-видимому, будет объявлена тревога и надо заканчивать игру. Как она объяснила, в Кабуле, более того, в Кабульском международном аэропорту, который буквально в двух шагах от нас, ожидается нападение террористов. Впервые я оказалась лицом к лицу с реальной опасностью. Как должен вести себя человек перед лицом такой опасности? Лично я не знаю. Тато, привыкший к жизни на русско-грузинской линии фронта, не спешит волноваться. А я от страха начинаю нервно хихикать.

— Я же говорила, что взятием Кандагара они не удовлетворятся, они хотят взять Кабул, я сама слышала по телевизору! — говорю я и нервно подаю. Тато в ответ высоко поднимает мне мячик, и я бью... Получается хорошо.

— Какого черта на старости лет я устроила себе эти приключения? Мама думает, что я в Америке. Вот вернут меня в цинковом гробу домой, как я посмотрю ей в глаза? — пытаюсь я шутить.

— А я никак не могу влезть в бронежилет! — говорит Тато и лупит такую топку, что шарик, ударившись о противоположную стенку, с треском раскалывается.

— А я свой не могу сдвинуть с места, и каска на голову не лезет: маленький размер, — не уступаю я.

— Видимо, твой и мой жилеты перепутали, надо поменяться!

— Знаешь что, мой оставь себе на память, а твоего мне не надо. Все равно такую тяжесть я носить не смогу.

— Во время тревоги паспорта и другие необходимые документы надо иметь при себе! — подливает масла в огонь Диана.

Выглядываю в сад и вижу, что британский спецназ в полном составе расположился в саду и пьет пиво.

— Это что такое? — спрашиваю я Диану.

— Зато вся афганская охрана с автоматами расположилась на крышах по всей территории «Барона» и в проходах, — успокаивает она. — Если случится плохое, знай, что самое безопасное место — туалет.

— Не хочу я сидеть одна в туалете, я с ума сойду! И дома одна оставаться не буду!

— Ладно, дорогая, пойдем ко мне, — говорит Диана. — А ты, Тато?

— Я пойду спать, — говорит Тато и зевает.

Короче говоря, я оказалась самой большой трусихой.

Всю ночь я не спала в ожидании тревоги, но никакой тревоги объявлено не было, однако со стороны базы НАТО я все-таки зафиксировала звуки нескольких взрывов и сирену. Пойми теперь, было это по-настоящему или имитация? На все эти вопросы ответы я получу утром от Аль-Джазиры. От наших все равно ничего не узнаешь: стараются защитить нас от стресса. А тут еще «для снятия стресса» поступил имейл: специнформация от службы безопасности о том, как надо вести себя во время объявления тревоги, и список вещей, которые надо класть в «быструю сумочку» («грэб-бэг»): «Паспорт; удостоверения с отметками местных организаций или посольства; самые главные документы, удостоверяющие личность и их копии; водительское удостоверение и другие документы, связанные с автомобилем, и 500 долларов США наличными; кредитные карточки и необходимые личные записи; список оставленных вещей; пять смен одежды и носок; гигиенические средства; медикаменты и предметы первой помощи; кремы, защищающие от насекомых, противоожоговые и солнцезащитные кремы; туалетная бумага; питьевая вода.

В определенных местах вам может понадобиться спальный мешок, простыня или занавеска, защищающая от комаров. Что касается медикаментов, напомним, что ваша бронированная машина и охрана снабжены всеми средствами против травм и тяжелых ран. И все-таки имейте с собой: имодиум (Imodium); регидрационные порошки (Rehydration powders); разные бинты (Bandages various); медицинскую ленту (Medical tapes); антисептические средства (Antiseptic solutions/cream); глазные капли (Eye drops); ушные капли (Ear drops); антигистаминные кремы (Anti-histaminated cream Anthisan); парацетамол (Paracetamol); ибупрофен (Ibuprofen); лейкопластыри и перевязочные средства (Plasters/Band-Aids); мокрые салфетки (Wet wipes); стерильные марлевые компрессы (Sterile gauze pads); противотошнотные средства (Anti-nausea tablets); латексные перчатки (Latex gloves).

Надеемся, что наш указатель поможет вам в укладывании вашего grab bag. Сумку положите на самое видное место, чтобы в нужный момент не искать ее!»

Должна вам рассказать историю, связанную с бронированным лэндкрузером. Мы с Набилой возвращались из «Багги занана». Был час пик, и мы попали в пробку. Во время маневров между машинами наш джип носом наехал на задрипанную старую, неизвестной фирмы и марки легковую машину. Столкновение было мягким, но нам пришлось все-таки съехать к тротуару и остановиться.

Из легковой машины, которую мы ударили, один за другим вылезали пассажиры — один, второй, третий... Их оказалось не меньше десяти. Женщина в чадре, которая вышла последней, держала грудного ребенка на руках. К счастью, ни с машиной, ни с людьми ничего не случилось. Наши водитель и шутер вызвали из «Барона» другой джип, чтобы отвезти нас домой.

Мы с Набилой вышли на тротуар. Я посмотрела на наш громадный шикарный лендкрузер со стороны, которой мы проехали по той машине, и обомлела: переднее правое крыло было почти полностью снесено, бампер сорван и отброшен, фара разбита и вмята в корпус, и еще много чего, названия чему я не знаю, было повреждено.

— Господи, но разве *такая* машина должна разваливаться при несильном столкновении? — попыталась я пошутить.

— А вы почувствовали удар? — спросил у меня шутер.

— Почти нет.

— Вот поэтому-то все наружное сломалось, чтобы вы внутри не почувствовали удара!

— Хорошо, что с этими афганцами ничего не случилось, видели маленького ребенка, с ним все в порядке? — нервно спрашивала я.

— Все в порядке, скоро наши приедут и заберут вас домой, не нервничайте.

Через несколько минут за нами пришел джип, который увез нас в «Барон». Набила всю дорогу молча молилась, а я, не в силах остановиться, несколько раз пересказала новому водителю все, что с нами стряслось.

Глава 6

В то утро Аль-Джазира ничего из ряда вон выходящего не сообщила, если не считать того, что в Кандагаре взорвали себя два смертника и это повлекло гибель двух или трех полицейских. Зато кипит и перекипает взрывами соседний Пакистан. Что касается Грузии, она нигде и никем не упоминается ни как гнездо терроризма, ни как колыбель криминала, ни как факел демократии. Как сказал бы наш брат-кавказец из кинофильма «Кавказская пленница»: «Обидно, да?»

В Грузии сейчас «застойная» тишина, мир и покой (если не считать скандала с изгнанием Робико Стуруа). Так что, как говорят в Сванской академии: «Скучаем!» Российские соседи тоже что-то кемарят — ни разу не гульнули с автоматами наперевес в нашу сторону. Только хозяйева «Речных плотов» в Фейсбуке громко шумят: мол, не дадим «выплеснуть нас на помойку!»

Помню, в молодости, когда местный ЦК комсомола организовывал в Бакуриани ежегодные симпозиумы, туда наезжали как активисты, так и диссиденты. Гия Перадзе очень любил приезжать на них и ласково называл «спиртбозиумами» («бози» на грузинском «б...»; тогда, кроме основного значения, слово «бозиум» означало также женское курение). В зал заседаний изредка забегал Парна Закарая и громко объявлял, что тот, кто желает обматерить существующий Советский Союз, может подняться на второй этаж, в десятую комнату. Вот такой «застойный» период был у нас, у тогдашних комсомольцев. Что явилось причиной этих воспоминаний — не знаю, но вечером хочу засесть за Фрейда, может, с его помощью разберусь.

А пока правительство Грузии в полном составе «рвануло» в Батуми открывать «новое летосчисление» в развитии грузинского театрального искусства доиашвилевским спектаклем «Кето и Котэ». Премьера вызвала большое волнение в соответствующих кругах общества, но через несколько дней трагикомедия «Бассейн», поставленная президентом в нетрезвом состоянии в зоне батумской гостиницы «Интурист», явно перекрыла «волнение умов», сильно ранив физически и психологически ведущих участников спектакля: нескольких действующих министров женского пола, сотрудников президентского пресс-центра, нескольких фотографов и «звезд». Другими словами, в Грузии, если не считать редких, небольших по амплитуде стаккато, полная прострация: оппозиция протестует в допустимых пределах, руководство страны упивается своими потрясающими (как они сами считают) успехами, а на страже столь удобного для руководства баланса стоит не меньше, не больше, сам Вано Мерабиш-

вили со своими «опричниками» из МВД Грузии и патрульной полицией. Объяснять, какая это сила, я не стану.

Господи, куда же меня занесло? Где «Барон», а где гримасы Революции роз... Опять без Фрейда не обойтись... А вот и он... Наш головной офис прикомандировал к нам эксперта-психолога по вопросам «снятия стрессов» и «создания команды». Но во время первого же группового сеанса я так раскритиковала политику, стратегию, тактику и менеджмент проекта, что на второй день меня хотели отправить домой, в Грузию, однако психолог Дин Грасс представил обо мне наилучший отзыв (наверное, написал, что больше всех нуждаюсь в лечении) и на будущее включил меня в международную команду, укомплектованную представителями разных стран, что означало: после отъезда из Афганистана он будет поддерживать связь со мной и получать от меня результаты наблюдений из «стрессовой зоны». Связь должна была осуществляться по скайпу. Дни и часы сеансов мы оговорили. На телефонную связь предполагалось выходить раз в месяц.

На первый сеанс связи я не вышла, так как со своей командой играла в пинг-понг и совсем забыла про звонок. Второй сеанс также не состоялся, потому что я его проспала. А звонок раздался в момент тревоги, и я с перепугу говорила с ним так, что он поспешно попросил перенести разговор на неделю.

В течение той недели в «Бароне» дважды объявлялась тревога, и сеанс телефонной связи снова не состоялся. В конце концов мы связались, но теперь уже он был в такой депрессии, что мне пришлось снимать его стресс. Через месяц мы должны связаться снова. Посмотрим, кто из нас в каком состоянии подойдет к этой дате.

Однако вернемся к нашему «Барону» (как хочется сказать — к Кабулу или — к Афганистану, но я ведь фактически не там, я — в «Бароне»). Вчера вместе с Дианой и Френсис были в «Чиано». Это итальянский маркет здесь же, по соседству с «Бароном». Я уже с закрытыми глазами могу ходить (разумеется, в бронемашине) по этим местам. Никаких дел у меня там не было, но было большое желание хоть ненадолго покинуть территорию «Барона».

Опять вокруг — пыльные улицы окраин, грязные дома и неопрятные уличные прилавки, старики, завернутые в обесцветившиеся от пыли и выгоревшие на солнце одежды, в чалмах; черноглазые, очень красивые, неумытые дети голышом, вываленные в уличной пыли. «Все дети красивые», — скажете вы, но таких чумазых и таких красивых можно увидеть только в Афганистане. На девочках еще короткие платья, но головы уже покрыты платками. Из-под длинных черных ресниц на вас смотрят изумрудно-зеленые глаза. Детишки весело машут руками бронированному автомобилю. Я тоже машу им, да еще посылаю воздушные поцелуи, что вызывает у них смех.

Из «Чиано», если даже ничего не купишь, кроме продуктов первой необходимости, все равно выходишь без 50-ти евро. Одна маленькая банка горчицы, килограмм сахара, небольшая упаковка сосисок, 200 граммов сыра и две бутылки грейпфрутового сока обошлись мне в 62 евро. Если об этом узнает мой муж в Тбилиси, он не поверит, потому что за 20 лари (приблизительно 12 долларов) приносит домой половину Навтлугского базара.

Еще одно такое «Чиано» имеет место у нас в «Бароне» — минимаркет, в котором продается все, кроме мяса. Здесь тоже цены кусаются с той лишь разницей, что здесь торг уместен и после достижения взаимного компромисса ограбленный покупатель покидает магазин довольным.

Хозяин минимаркета и продавцы, молодые, веселые (иногда чересчур) ребята, снижают мне цены и приговаривают: «Это цена тети Мананы». На самом деле это не так, но я все равно довольна. Даже их собачка для меня хвостом виляет по-другому, а хозяин другой собаки уверяет, что она ест только из рук тети Мананы.

Хозяина собаки зовут Наджибула. Это стройный молодой брюнет в военной

форме, по специальности кинолог. Со своими двумя собаками он работает в службе безопасности «Барона». Уже несколько лет в разных провинциях Афганистана Наджибула со своими собаками воюет против талибов. Его собаки ищут и обнаруживают бомбы, мины и прочую взрывчатку. Белый с черными пятнами спаниель Бруно и его «напарник» ротвейлер — штатные сотрудники «Барона». Бруно — мое любимейшее в «Бароне» создание, и поэтому Наджибула испытывает ко мне особую симпатию, все время пытается сделать что-нибудь приятное. Однажды он показал мне вещь, которая представляла собой настоящее произведение искусства: сплетенный из бисера голубой браслет-перчатку с закрепленными на ней пятью кольцами. Между браслетом и перстнями был «выткан», тоже бисером, распустившийся розовый бутон.

— Потрясающая вещь, Наджибула, ты что, сам это делаешь? — воскликнула я и тут же начала натягивать красоту на руку. Браслет ловко сел на мою кисть, но пальцы в кольца не лезли.

— Да, я люблю этим заниматься.

— А сколько она стоит?

— Семьсот долларов, — улыбнулся он. — Эту я продам, а тебе сделаю другую и подарю.

Неожиданно Наджибулу вызвали по рации и он ушел вместе с Бруно.

Глава 7

Мы с Дахундой сидим в одной комнате. Образованный и способный молодой человек 32-х лет от роду. У него жена и двое детей. Он рассказывает мне про Афганистан. Он очень хороший рассказчик, знает, что я делаю литературные зарисовки, и хочет, чтобы я все видела правильно. Сначала, пока я все это не поняла, я задавала ему вопросы очень осторожно:

— Сколько лет тебе было, когда ты женился?

— Двадцать пять.

— Когда моему сыну было двадцать пять, он уже был женат второй раз, — приврала я.

— А у вас закон не запрещает жениться второй раз? — спрашивает Дахунда.

— Не запрещает, если ты официально разведен с первой женой. А ты можешь по закону иметь вторую жену? — спросила я, зная ответ.

— Конечно, могу; я могу иметь четыре жены. У моего отца, например, две.

— У меня тоже есть знакомый, у которого две жены, но вторая жена неофициальная, хотя семья и близкие знают о ней, но никто не возражает, — успокаиваю я Дахунду. — От одной у него двое детей, от другой — трое.

— Живут отдельно?

— Разумеется!

— А мы все живем вместе. Только мой старший брат с семьей живет отдельно, но очень близко — в соседнем доме. А младший только что женился и живет с нами. Поэтому у нас очень много теть и дядь.

— Представляю, что будет, если в Грузии две или три жены одного мужа попытаются жить вместе, что они сделают с этим мужем и друг с другом: ни у кого на голове ни одного волоса не останется.

— У нас это зависит от мужчины. Мой отец так поставил дело, что жены не смеют голос друг на друга повысить. Уважительно относятся друг к другу, вместе растят детей. Это потому, что решающее слово всегда за отцом. Он говорит: если в семье происходит что-то не то, ответственность ложится на мужчину.

— Но если одна из жен ревнует его и чувствует себя обиженной?

— О, эти дела у него отлично налажены: он никогда не унижит одну в присутствии

другой, деньги на покупки дает обоим одинаковые и всегда покупает одинаковые равноценные вещи обоим. Так он относится и к своим детям. Он военный и на работе поддерживает такой же порядок. Он — главный аудитор афганской полиции.

— А право на развод у вас есть?

— У мужчин есть, у женщин нет. У женщин есть право выбора. Перед замужеством ее спрашивают, хочет ли она, чтобы этот мужчина был ее мужем. В момент, когда она соглашается, прекращается ее право принимать какие-либо решения, и поменять что бы то ни было она уже не может, если мужчина сам того не захочет. Но развод для любой женщины ужасный стыд и трагедия. Впрочем, в вопросе расторжения брака мужчина тоже не обладает большой свободой: для этого нужны достаточно веские причины. Мелочи типа «не сошлись характером» здесь не проходят. Для мусульманина изгнание женщины из дома — большая беда. Если умирает мужчина, то жену умершего стараются не отпускать из семьи. Иногда она становится женой брата. Правда, бывает, что таким образом молодому мужчине достается жена в возрасте.

Для таких совершенных персон, как Дахунда, с хорошим образованием, с большим опытом работы в международных организациях, ясным умом и большим чувством юмора, для человека, который не вылезает из интернета, все это — обычный афганский уклад, менять который он причин не видит.

— Моя жена сказала, что хочет работать учительницей. Выяснилось, что зарабатывать она будет около 200 долларов. Я говорю: эти 200 долларов я тебе заплачу, только сиди дома и учи своих детей, — рассказывает Дахунда и, глядя на то, как у меня изменилось лицо, начинает смеяться.

Дахунда напоминает мне моего зятя Гогиту, у которого никогда не поймешь, шутит он или говорит всерьез. У Дахунды хорошее чувство юмора, и на афганские «абсурды» он смотрит с позиции «доброй сатиры». Самые ошеломляющие новости преподносит так, что от смеха можно живот надорвать. А самыми интересными из его рассказов являются рассказы из новейшей истории Афганистана. Например, выясняется, что при режиме талибов очень популярным было посещение английских и компьютерных курсов (как у нас после Революции роз и сейчас).

— Я не верю, — восклицаю я. — Везде пишут, что Талибан запретил кино, театры, музыку, книги. На кой черт тогда нужны были английский язык и компьютеры? Они ведь и университеты запретили, и школы закрыли...

— Это для женщин, а мужчины могли учиться на любых курсах. Что касается школ, то в течение двух лет все школы Афганистана объединили в несколько учебных заведений, куда мы ходили только сдавать экзамены в режиме блиц-интервью, полный абсурд.

Как известно из новейшей истории Афганистана, после падения Советского властвования установился режим моджахедов, и, как бывает во всякой уважающей себя стране, началась внутренняя война. Друг на друга «наехали» живущие в Афганистане пуштуны, хазары и таджики. Кабул в то время был, оказывается, разделен на зоны, и человек не мог свободно попасть из одного квартала в другой.

— Один из домов нашей семьи оказался тогда на территории хазаров, и я тайком ходил туда присматривать за ним. Несколько раз постовые останавливали меня и, когда выяснялось, что я таджик, давали мне в руки большую лопату и велели копать окоп. До середины дня я копал окоп на границе между пуштунами и таджиками, после чего меня отпускали, заменив на вытасненных из проходящего автобуса двух других таджиков.

— Ты мне скажи, пожалуйста, сколько еще домов у вас в разных районах?

— Семь домов и столько же магазинов.

— Выходит, вы довольно богатые?

— Не жалуемся, но откладывать деньги не удается потому, что все мои сестры

ходят в частные школы, образование братьев тоже очень дорого обходится, так что сколько входит, столько и тратится.

— А у вас разделено имущество с братьями?

— Все имущество принадлежит моему отцу. Иногда он говорит: это — этому, это — другому, но только устно. Он единоличный распорядитель имущества. Меня никто не заставляет оставаться, могу отделиться, но у меня нет такого желания. Лучше я надстрою этаж.

Глава 8

Сегодня я проснулась поздно и без обычного кофе понеслась на работу, где вот уже сороковой день нам не то что кофе, даже воды не дают. Я пожаловалась Дахунде, заметив, что мы тоже постимся, но от этого никто вокруг не страдает. Он искренне удивился, помчался докладывать начальству и скоро вернулся с сообщением, что в зале заседаний накрыт стол со сладостями и можно туда тотчас пожаловать. В углу зала действительно был сервирован стол с четырьмя разновидностями трехэтажных тортов и всякого рода пирожными. Кофе с молоком, черный кофе и чай в термосах. Большой выбор вод и соков завершал этот натюрморт.

Я осмотрелась: помимо иностранцев, которых представляли я и русский Андрей, — только афганцы. Женщины сидят отдельно. Я выбираю, что мне хочется, и направляюсь к ним. Стол ведет на афганском языке заместитель директора проекта Сафир Сафари. Из его выступления я, естественно, ничего не понимаю, но тут вступает «кари» (человек, который наизусть знает весь Коран) и нараспев произносит несколько сур из Корана. Люди опускают головы, складывают руки на груди и самозабвенно молятся. Я сижу неподвижно, и мои глаза почему-то наполняются слезами. Кари заканчивает пение, мусульмане поднимают руки к небесам и восхваляют Аллаха. Мне становится тепло, и я шепотом начинаю читать «Отче наш», чувствуя, что в этот миг Господь со мной и с теми мусульманами, которые, оказывается, молились за упокой души недавно усопшего дяди Роия.

Согласно здешним правилам, перед началом застолья обязательно произносится молитва за упокой душ недавно скончавшихся близких. Есть определенное сходство с нашими традициями, но у нас с этого не начинают и сразу после поминовения следует тост за жизнь и счастье.

Мы с Дахундой и этот вопрос обсудили. Выяснилось, что по сути между нами и ними нет разницы ни в духовности, ни в возрастных ограничениях. В доказательство был приведен пример отсутствия возрастного барьера между Зурикелой и Иларионом из книги моего отца «Я, бабушка, Илико и Иларион».

Глава 9

Набила и Гюль, сочувствуя мне из-за того, что мои выходы из «Барона» весьма и весьма ограничены, предложили ходить вместе с ними в Министерство по делам женщин и в Департамент по гендерным вопросам. Обе эти организации в центре Кабула, и я надеялась хоть немного осмотреться (разумеется, из окна все того же бронированного автомобиля). Идея мне понравилась, и я оформила командировку. Я ждала чего-то необыкновенного. Мне говорили, что интересного ничего нет, все разрушено и разбомблено, но я не верила. Не может быть, чтобы хоть что-нибудь не осталось целым. Хотя бы какая-нибудь старая крепость. Но Набила оказалась слабым гидом. Она мне ничего не рассказывала — всю дорогу разговаривала по мобильному телефону.

Набила немного полнее, чем требуют афганские женские стандарты. Из-за этого она больше похожа на азербайджанку: красивая, круглолицая, с теплой веселой улыбкой. На работе она производит впечатление сдержанной серьезной женщины, а на самом деле, по ее собственным словам, любит повеселиться.

— Это американская организация, здесь нельзя быть непосредственной хохотушкой, — говорит она. — А мне, честно признаться, немного надоела игра в мрачную серьезность.

Иногда, чтобы немного расслабиться, она заходит ко мне поболтать. Так я узнала, что Набиле 22 года и она не замужем, что по моим дилетантским представлениям не согласуется с местными обычаями.

— Наш отец умер, и в семье я одна работаю, — объясняет Набила. — У меня маленькие братья и сестры, которых я должна поставить на ноги. Если выйду замуж, кто о них позаботится?

— Ты что заканчивала?

— Я студентка третьего курса факультета бизнес-администрирования Кабульского университета. Но с момента окончания школы еще и курсы все время кончаю, то одни, то другие. Недавно получила сертификат педагога английского языка.

— У тебя, моя дорогая, такое образование, что в женихи тебе разве что сам Карзай подойдет!

— Кому и зачем нужен этот Карзай? — смеется Набила.

— Правда, и мой президент не очень популярен среди просвещенных женщин, а вот провинциальные простушки от него без ума, — понесло меня в сторону «сложностей» моей страны.

Набила ушла, рабочий день кончился, я отослала отчеты в головной офис, который наши ласково называют «родным» офисом, собрала свои манатки и двинулась напрямик в маленький райский сад «Барона». Там все так красиво цветет, такой ароматный чистый воздух и такое бирюзово-голубое небо над изумрудно-зеленой травой, что невольно в памяти всплывают слова известного грузинского гимна грузинской природе: «Мой край — бирюзовое небо, мой край — изумруда поля!»

Глава 10

О Мине Шерзои я уже рассказывала. Это, если вы помните, американская афганка. Она — ведущий координатор нашего проекта из головного офиса, необыкновенно элегантна, рождена в аристократической афганской семье. Ее отец на протяжении многих лет был послом Афганистана в странах Европы и Азии, поэтому она до сих пор вращается в дипломатических кругах самого высокого ранга. В настоящее время она «переселена» в Калифорнию и иногда приезжает в Афганистан для работы в американских проектах. В соответствии с законом и в связи с ее работой в проекте «ТАФА» ей не разрешается жить в собственном доме, так как «ТАФА» не может гарантировать в таком случае ее безопасность. Ежедневно после работы бронированный автомобиль увозит Мину домой, а в 11 часов вечера привозит обратно на ночевку. Что она может сделать кроме как подчиниться закону?

Таково же и положение австралийки Грейс Хезер Джонс. Ее муж — афганец, работает в Германии и приехал к жене в отпуск, но ночевать ему приходится у родственников. Иногда Грейс нарушает правила «Барона» и оставляет мужа на ночь у себя в комнате. С наступлением темноты они выходят погулять в сад. Все знают, что Грейс прячет в своей квартире мужа, но никто об этом не говорит. Неправда, что, кроме Грузии, везде имеются стукачи. Хотя, если честно, они имеются везде — и в Грузии и за ее пределами.

В самом лучшем положении — я, потому что мне заранее объяснили: хочешь

привезти близких — оплати из своего кармана их дорогу и проживание вне «Барона», причем за безопасность этих людей никто не отвечает. Из этого всего я поняла: если хочу работать на высокооплачиваемой работе, надо на некоторое время оторваться от семьи.

Причитая по поводу подобных неудобств, Грейс в то же время рассказывает разные ужасы. Оказывается, талибы похитили ведущую сотрудницу американского посольства и, поскольку похищенная пользовалась известностью в международных кругах, потребовали выкуп в несколько миллионов.

— Говорят, что ее продали, — вставила Весна.

— Кто продал? — спрашиваю я удивленно. — Охрана?

— К примеру, водитель, который сообщил бы кому надо, что едет туда-то с таким-то человеком, будет в таком-то месте в такое-то время, и получил бы за эту информацию большие деньги.

Все завершилось очень грустно: после долгих переговоров американцы предпочли выкупу спецоперацию. Ее провели, но женщина погибла.

Через несколько часов после этого разговора служба безопасности прислала мне конфиденциальную форму для заполнения. Просили следующие данные: имя и фамилия, описание внешности, черты характера, телефоны близких людей и так далее, чтобы можно было опознать человека, если понадобится. Некоторые графы заполнить было трудно, так как было неясно, что именно спрашивают.

— Для чего вам такие детали? — спрашиваю Нилса, начальника охраны.

— Для того, чтобы в случае похищения по этим данным вас опознали, — отвечает Нилс.

— Ну, хорошо, а данные близких зачем вам нужны? — не унимаюсь я.

— Это на тот случай, если вас убьют и мы должны будем пригласить человека, который сможет вас опознать.

Не знаю, как Грейс и Мине, но мне после такого «инструктажа» не то что из «Барона», из моего номера выходить не хочется. Одно только меня беспокоит: если я такая безвылазная, откуда взять покупки для моей мамы, которая думает, что я в Америке? Ведь в «Бароне» не продается ничего, кроме афганских ковров и сувениров.

Раньше Кабул, оказывается, утопал в зелени громадных лиственных деревьев. Из-за бесконечных войн происходило физическое уничтожение не только населения и государства, но и растительности. То, что осталось после бомбежек и взрывов мин, безжалостно вырубалось, потому что при ведении уличных боев спрятавшийся за дерево враг представляет большую опасность.

Сегодня впервые мне пришлось направиться в район города, в котором я еще не была (впрочем, была я до этого только в районе аэропорта). Про себя я назвала его горной «Нахаловкой» — по аналогии с тбилисской, а вообще этот район называется Карти Парван. Он очень похож на некоторые жилые кварталы Самарканда и Бухары: плотно стоящие дома с плоскими крышами и врезанными между ними высокоступенчатыми узкими лестницами. Ухабистые земляные дорожки, по которым в гору и с горы двигаются «караваны» коричневых и белых ишаков с водой в медных кувшинах.

Воду на ишаках возят потому, что питьевой воды здесь нет, как нет и канализации. Водитель моего бронированного автомобиля говорит, что в этом районе живут люди, которые практически голодают. Однако своей старинной красотой район подействовал на меня так, что я сказала водителю: если бы жила в Кабуле, обязательно построила бы себе дом именно здесь. Водитель усмехнулся в пышные усы.

Нашу машину не пускают в Министерство внутренних дел, и я с удовольствием пользуюсь случаем пройти несколько шагов по живой кабульской улице, вдыхая натуральную пыль. Пыль есть и в «Бароне», но там она замешена на международных ингредиентах. Настоящую афганскую пыль в «Бароне» не вкусишь и не догадаешься, почему афганские мужчины, восседающие на кабульских улицах на деревянных ку-

шетках, по запыленности не уступают своим сине-серым молитвенным коврикам, у перемещающихся с деловым видом по кабульским улицам женщин чадры имеют невразумительный цвет, а красные, желтые и белые розы на газонах становятся одинаково серыми и вянут.

Пыль для Кабула и животворящая, и убийственная сила. Животворящая потому, что битва афганцев с ней, начатая тысячелетия назад, продолжается. Убийственная, наверное, по той же причине, по крайней мере, так они говорят. Этому чисто афганскому явлению способствует еще и то, что в промежутках между войнами Кабул интенсивно строится. Большинство улиц (кроме центральных) — не асфальтированы. Нехватки в ветре и дожде в Афганистане нет, а что еще нужно для возникновения пыли? Мне никогда не понять сакрального смысла городской пыли, но это ведь Афганистан, отличающийся от всех и вся. Афганистан со своей пылью и грязью, со своим ничтожеством и величием, закрытый для всех, расположившийся в стороне, но всем режущий глаз, притягательный и наводящий ужас. Охота на него не прекращается ни изнутри, ни снаружи.

Женщина по имени Кобра, которая убирает у меня в номере, говорит, что те, кто сегодня строят небоскреб, а завтра его взрывают, научились делать на этом деньги. Разве не так и у нас в Грузии? Дороги уложат, через две недели все перекопают, через три недели проложат трубы и закроют дорогу асфальтом, потом снова раскопают — ошиблись, мол. И так без конца и края отмывают и отмывают черную бухгалтерию.

Глава 11

Совсем недавно моя филиппинская подруга Грейс Мартинес Буенкамино окрестила наш «Барон» «лагерем рабов». Думаю, это перегиб. Почему рабы? Да, с утра, в первой половине дня, все «вкалывают» что называется не за страх, а за совесть. Но после 4-х часов никто не мешает тебе до следующего утра заниматься тем, чем тебе заблагорассудится. «Барон» — это своего рода Вавилон, здесь собрано столько народностей и представителей стольких разных стран, что можно изучать географию. Слово «компаунд» по-английски означает не только структуру, комплекс, смесь, но и огороженную территорию фабрики, включающую бараки для рабочих, огороженное место для военнопленных, поселок негров-рабочих с фермы. Еще одно значение этого слова — «сложный» (например, сложное предложение, сложное слово и т.д.). А теперь соединим все эти значения и то, что получится, это и будет «Барон». То есть, «Барон» — это некая сложная субстанция (по-домашнему «аджабсанда», блюдо, в котором все перемешано), где я, Манана Думбадзе — одна молекула; по национальности — грузинка, по вероисповеданию — православная христианка, убежденная космополитка-интернационастка: моя Родина — вся Земля. В Афганистане подобная декларация — невыигрышное дело, и в «Бароне» таких заявлений никто не делает. А я делаю! Не думайте, что это наглость. Я поняла это, когда афганский садовник и хозяин нашего минимаркета на полном серьезе сказали мне: «Вы — наш друг, вы — прекрасная женщина». По их глазам я поняла, что они не шутили, и мне захотелось задушить их в своих объятиях, но в Афганистане даже собственного ребенка нельзя публично обнимать — нельзя и все! Когда я вспоминаю эти слова, они согревают меня, будто из рук всего афганского народа я получила премию мира.

Фамилия Андрея — Моисеев. Он русско-казахско-татарско-еврейская смесь. Говорит, что православный христианин. Родной язык русский. 10 лет назад уехал в Канаду и по сей день живет в Ванкувере. Впечатление, что родился со стаканом в руке, потому что где бы я его ни встретила — в саду, в коридоре, — в руках у него стакан с водкой на дне. Его друг, Рахат — киргиз, жена у него — шведка. Живут они то в Штатах, то в Москве. Вероисповедание — атеист (дитя Советского Союза).

Дживан — чернокожий, но с европейскими чертами лица — малаец, живет в Техасе, куда переселился 30 лет назад и достиг там определенных успехов. На груди у него золотой крест в подтверждение того, что он, как и я, христианин, но неизвестной мне конфессии. А вот Саша, о котором я думала, что он с головы до ног немец, каковым он и оказался, как выяснилось во время рамадана, принял мусульманство и начал выполнять все религиозные обряды. Грэм — американский еврей, рафинированный интеллигент, напоминающий чеховских персонажей. У него мягкий, но временами разительный юмор. Диана — православная грузинская христианка, более того, она сигнахская кахетинка, породистая и свободная. Ненавидит бывшую Советскую Россию, но обожает своих зауральских русских родственников, которые достались ей в наследство от бабушки с отцовской стороны.

Недавно мы с Дианой приготовили грандиозную хинкальную дегустацию и пригласили весь вышеупомянутый «аджабсанда». Опасаясь, что хинкали на всех не хватит, мы подкрепили их другими шедеврами грузинской кухни. Хинкали вызвали всеобщий восторг, только русско-татарский Андрей счел их очень маленькими, да и на вкус они его не поразили. Гордость грузинской кухни он назвал пародией на утонувшие в горячей воде манты.

Когда битва с хинкали была закончена, Андрей заявил, что в пятницу приглашает всех на татарские манты. Мы едва дождались пятницы и ровно в семь часов стояли с Дианой у дверей комнаты Андрея, готовые к сражению за наше оскорбленное блюдо. На газовой плите в специальном котле кипели и благоухали уложенные в пять слоев на ситах манты. На каждом «этаже» парилось пять-шесть «великих предков» хинкали, размерами достойных монгольских богатырей. Всего на пятиэтажной парилке Андрея помещалось 20-25 изделий из завернутого в тесто средней толщины мелко нарубленного мяса с большим количеством лука, посыпанного красным и черным перцем и мелко нарезанной мякотью тыквы. Обязательным спутником мантов является томатная подливка с большим количеством красного перца и еще большим количеством чеснока, которую татары совершенно справедливо называют «коброй».

Что уж говорить, если даже Диана признала, что манты лучше, чем хинкали, но лишь при определенных обстоятельствах (до конца не сдалась). Так был задавлен на международном уровне наш любимый хинкали — только не говорите теперь вслед за Фрунзиком Мкртчяном, будто это потому, что «мы не умеем их готовить»!

Не думайте, что в «Бароне» не происходит ничего, кроме приготовления пищи. Просто пища и ее приготовление интересны не только с точки зрения жизненной необходимости, но и как средство общения людей, взаимного знакомства культур и обмена информацией. За столом выясняется, что на этой необъятной планете все — чьи-то деды и внуки. Мне, например, очень нравится малайская колыбельная. Думаю, если бы я пела ее в свое время сыну, он засыпал бы мгновенно. Но я убаюкивала его моцартовской колыбельной.

<...>

Глава 13

В Пакистане произошел такой случай: некто явился в британское посольство и заявил, что он представитель талибов и прислан, чтобы начать мирные переговоры с правительством Афганистана. Британское посольство на самолете НАТО перекинуло этого человека из Пакистана в Кабул и представило его Хамиду Карзаю. Для организации работ по подготовке и проведению мирных переговоров афганское правительство передало этому человеку миллион долларов. Долго ждал Хамид Карзай начала обещанных переговоров, но человек с миллионом исчез, как исчезает в небе выхлопной дым пролетевшего самолета. Служба международной безопасности Аф-

ганистана безрезультатно искала его по всей территории страны и за ее пределами, наконец афериста обнаружили в Пакистане. Он оказался хозяином небольшого афганского магазина. Разразился грандиозный международный скандал: Карзай обвинял британцев в том, что они всучили ему этого якобы талибского лидера, а британцы обвиняли афганцев в недостатке бдительности. НАТО устроило разнос обеим сторонам: куда девался добровольно отданный неизвестной личности миллион долларов? А талибы между тем продолжали убивать виновных и невиновных.

Конечно же, ситуация здесь очень сложная, требующая высочайшей бдительности, вчера, например, какой-то кандагарский талиб с вмонтированной в чалму маленькой бомбой явился в гости к бывшему президенту Рабани. Они обнялись, и гость в этот самый момент привел в действие взрывное устройство... Оказывается, несчастного Рабани специально для встречи с этим человеком привезли из Дубая. Карзай каждый день звонил ему из Ирана, где находился с визитом, и просил встретиться с этим человеком, потому что тот был прислан талибами для начала мирных переговоров.

Как же это получается, что какого-то афганского духанщика в самолете НАТО, естественно, в сопровождении целого ряда джеймсов бондов, ввозят из Пакистана в Кабул с пустыми карманами, а обратно он уезжает с миллионом, украденным из-под носа спецслужб? Правда, кто может гарантировать, что это не сказка? Но если это правда, то значит всех, и друзей и врагов, вполне устраивает эта нескончаемая афганская «эпопея».

* * *

Ну-ка догадайтесь, где в Кабуле держат свиней? — задает вопрос на засыпку Диана. Я, конечно, не знаю и недоуменно пожимаю плечами. — В кабульском зоопарке была только одна свинья. И когда по всему миру прокатилась эпидемия свиного гриппа, афганцы устроили несчастной карательную операцию: публично ее расстреляли. Это рассказала мне моя сотрудница афганка.

* * *

В прохладный сентябрьский вечер в саду «Барона» посиделки: все рассказывает интересные истории из своего опыта. Одни тянут коктейль, другие курят табак, третьи — шишу, или кайлун, который якобы очищает легкие, желудочно-кишечный тракт, мозговые клетки и т.д. и т.п.

— Очень красивое слово «кайлунннннн», — это сочетание звуков протяжно выплывает из моих легких вместе с серой смесью дыма и персикового аромата, сквозь который просвечивает полная луна. Я снимаю с кайлуна свой мундштук и передаю зеленый змеевидный шланг филиппинке Грейси, которая насаживает на шланг свой мундштук, делает несколько глубоких затяжек и, как я, передает шланг следующему. Так происходит хождение по кругу «трубки мира», пока не кончится курево и не иссякнет разговорная тематика.

Кайлун и впрямь, оказывается, — эффективное миротворческое средство, позволяющее достичь хотя бы временного перемирия. И почему европейцы, переселившиеся в Америку, научились снимать скальпы, перерезать горла, но не научились курить «трубку мира»?

Глава 14

Пятого октября у меня первый отпуск, и я на две недели возвращаюсь домой. Мне взяли билет, посадили рядом с шутером в лендкрузер и запустили прямым ходом в аэропорт, до которого всего 15 минут ходьбы. На площади, не доезжая до

аэропорта, нас остановили и велели поставить машину на обочине. Остальной путь нам было предложено пройти пешком. Откровенно говоря, мне это не понравилось, потому что путь был довольно длинный, а район — небезопасный.

— Что происходит, почему нас не пускают? — спрашиваю водителя.

— Карзай прилетает из Индии, мэм, и мы должны добираться до аэропорта пешком.

— Это я понимаю, но как я должна попасть туда, не зная дороги, одна и с таким огромным чемоданом?

— Не одна, мэм, охрана будет с вами, они донесут ваши чемоданы. А я останусь здесь.

Было боязно, но что я могла поделать? Назад дороги нет. Впереди — родина, куда надо добраться живой. Вылезаю из машины. Шутер вытаскивает из багажника мой чемодан на колесиках, и мы идем в сторону аэропорта. Площадь полна народа. В сердцах на всех известных мне языках ругаю всех на свете президентов и себя за то, что попала в такую ситуацию.

Шелковая косынка уже который раз сползает у меня с головы. Поправляю ее. Снова падает, теперь уже в дорожную пыль. Поднимаю, нервно комкаю ее и сую в карман чемодана. Продолжаю движение без косынки, с опущенной головой. По дороге надо пройти несколько полицейских постов. Ходить с непокрытой головой в Афганистане — дурной тон, но не напялю же я на голову вываленную в грязи косынку. Вынимаю ее из чемоданного кармана и держу в руках, чтобы было видно, что она у меня есть, — будто это чему-нибудь поможет. Но, к моему удивлению, никто не бросает в мой адрес оскорбительных замечаний, никто не смотрит на меня с упрехом.

Сколько это продолжалось, я не помню, но мы наконец добрались до одного из пропускных пунктов, где стояла очень большая очередь. Мой шутер показал одному из полицейских мой билет и попросил, чтобы меня пропустили вне очереди, так как я могу опоздать на самолет. Тот внимательно осмотрел мой билет, потом меня, потом мой чемодан, потом кого-то позвал и дал ему какие-то указания, забрав у меня чемодан. Я не понимала, что происходит, но поскольку спрашивать смысла не имело, молча ждала развития событий. Полицейский попросил шутера отойти в сторону, а мне велел отойти в другую. Я не сдвинулась с места: ждала, что скажет моя охрана.

— Мэм, дальше сопровождать вас мы не имеем права. Этот человек проводит вас до автобуса, а дальше вы сами должны разобраться что к чему.

Я ужасно разволновалась, поблагодарила шутера и, безмолвно, словно ягненок на заклание, последовала за афганцем, который тащил мой чемодан и что-то быстро-быстро говорил, думаю, просил деньги за обслуживание.

Автобус был такой пыльный и грязный, что я не смогла определить его цвет. Мы взобрались в него, мой спутник указал мне на свободные сидячие места в конце автобуса, а сам с моим чемоданом встал рядом с водителем. На местах в последнем ряду уже сидело несколько женщин в косынках. Мужчины садились на передние места. Потом, когда автобус уже почти заполнился, они начали заполнять и задние. Дошло до того, что один мужчина в национальной одежде знаком показал, чтобы я подвинулась, и сел рядом спиной ко мне. Я с комплексом ягненка бессмысленно крутила головой в разные стороны, пытаюсь предугадать, что будет дальше. Представила себе, как мою бабушку Анико Бахтадзе, в 37-м увозили этапом в ссылку, в Казахстан. Вспомнила и срочно достала телефон. Звоню Диане.

— Диана, запомни: говорю из аэропортового автобуса, я одна, охрану сюда не пустили, говорят, что отвезут на место. Не знаю, будет ли у меня возможность позвонить еще раз.

Диана залилась смехом:

— Не бойся, через две минуты тебя подвезут к центральному входу в аэропорт,

там прицепись к женщинам и везде пройдешь без очереди. Как доберешься до зала ожидания, еще раз позвони мне.

Вот с этого момента и начался настоящий Афганистан, у которого ничего общего нет с бывшим Советским Союзом, но я все равно вспомнила наши старые, полуразвалившиеся, грязные аэропортовские автобусы, на которых я очень редко, но ездила, и если это случалось, то на голове, на плечах, в ногах у меня обязательно оказывались тюки, мафраши, чемоданы, коробки, авоськи и другие дорожные прелести.

Прежде, чем добраться до главного терминала, автобус по просьбе пассажиров несколько раз останавливался для высадки. Потом, пару раз свернув в сторону и развернувшись обратно, уже чуть ли не пустой подкатил к месту назначения. Странно, но люди, которые сходили с автобуса по дороге, встретились мне у паспортного контроля. Подозреваю, что они, пройдя пешком напрямик, надеялись оказаться в первых рядах огромной очереди. Вот тут-то и выявились достоинства плохого состояния гендерного вопроса в Афганистане, потому что женщин и мужчин ставили в разные очереди. Отсюда отсутствие давки, спокойная процедура проверки паспортов и облегченный выход на таможенный контроль.

От паспортного до таможенного контроля началось то, что происходило в наших аэропортах, в особенности на местных рейсах: чехарда, передача вещей вперед по очереди, работа локтями, ворчание и крик. И здесь, несмотря на то, что я была иностранкой, никто мне дорогу уже не уступал. Один мужчина с женой и детьми занял пол-очереди и в конце своего «семейного хвоста» положил на стул целлофановый пакет. Я аккуратно переложила пакет на пол и присела на этот стул. Жена, не сдерживая негодования, вскочив с места, начала что-то гневно выговаривать мужу. Тот осмотрел меня с головы до ног, оценил все за и против и весьма убедительным тоном дал жене какой-то серьезный совет, после чего та успокоилась, и я больше не слышала ее голоса.

Таким манером я захватила сидячее место в зале ожидания Кабульского аэропорта. Основательно расположившись на захваченном плацдарме, я взглядом триумфатора стала обозревать окрестности. Моему взгляду открылся очень знакомый, почти родной со времен глубокого советского «застоя» зал ожидания обыкновенного гражданского аэропорта, если не считать того, что здесь рядом с туалетом был устроен молитвенный уголок. Оттуда выходили по пояс мокрые мужчины в пластмассовых сандалиях на босу ногу. Большинство — в национальных одеждах: шальваркамизы, а на голове «шапка Масуда», которую афганские мужчины очень любили. Мне эта шапка тоже нравится. Бублик, который прицеплен у лба, может быть раскручен, тогда он закроет все лицо, что очень удобно при афганских пыльных бурях и когда не хочешь, чтоб тебя узнали. Цвет шапки совпадает с цветами афганского ландшафта — светло или темно-коричневый, светло-розовый или черный (эти встречаются реже). А называется она «шапкой Масуда» потому, что туристы идентифицировали ее с именем легендарного моджахеда Масуда, и сувенир этот давно уже стал популярным сувениром в мировом масштабе. Эта шапка шьется из высококачественного тонкого сукна, а лучшие экземпляры — из верблюжьей шерсти. Стоит она от 5 до 10 долларов. Несколько таких шапок я раздарила друзьям. Одну купила себе и ношу ее в Тбилиси — не без успеха.

Женщин в парандже в зале ожидания я не видела. В чадрах были. На иностранках были головные платки. Большинство людей стояло, так как свободных мест не оставалось. Несколько рейсов было отложено, и половина зала из стульев устроила себе спальные места. В довершение моих мытарств в тот день ни одно информационное табло не работало, и получение какой-либо визуальной информации о рейсе было исключено. Я вынуждена была ждать информацию по громкоговорителю, по которому объявления шли на трех языках: сначала на дари, затем на пушту и наконец на английском.

Мой рейс почему-то не объявляют. Тем временем публика, видимо, выспалась, и в зале поднялся такой гомон, что я вообще перестала что-либо слышать. Схватив свою каталку, я с болью в сердце покинула с трудом завоеванный плацдарм и начала метаться между выходами на посадку. И тут Господь послал мне молодого человека, который по-английски сообщил мне, что он с того же рейса и что его еще не объявляли, нас, мол, позовут.

Наконец и вправду между рядами пошла женщина, повторяя: «Дубай флай». Я влилась в людской поток на посадку. В нем оказалось много европейцев и белых и черных американцев. Все рвались к «нейтральным водам», в Дубай, откуда открыты все направления. Для афганцев — это палестинское, индийское, иранское и направление на Саудовскую Аравию. Дубай — транзитный пункт, откуда начинается мирное и беспроблемное продолжение пути. Все, у кого потеряна надежда на спасение в самой стране, присоединяются к этому каравану. Скоро Афганистан окажется без афганцев, озабоченно говорит мой учитель дари. Он с нетерпением ждет ответа из американского посольства о предоставлении политического убежища. Вся его семья уже прошла несколько процедурных этапов и скорее всего в недалеком будущем покинет Афганистан и присоединится к потоку бегущих из страны через Дубай афганцев.

Из Кабула в Дубай лететь три часа. По причине дешевизны билетов «Дубай флай» не кормит пассажиров. Это я обнаружила в середине полета, когда стюардесса с меню и калькулятором обошла салон, принимая заказы на обед. Вот когда я оценила те два вкуснейших хачапури, которые съела с подругами перед отъездом, потому что увидела, как американка, сидевшая рядом со мной, за куриный бутерброд, пакет чипсов и чашечку чая заплатила 50 долларов.

Три часа до Дубая, еще три — в аэропорту и три — от Дубая до Тбилиси. Думаю, за это время я дочитаю «Гурджи Ханум» Дато Турашвили. Если со мной еще что-нибудь приключится или я вспомню что-нибудь интересное из своего путешествия, расскажу, а нет — постараюсь заснуть, потому что в Тбилиси раньше четырех утра я не попаду.

<...>

В профиле скайпа я записала строки из стихотворения Акакия Церетели: «Страна, где небо бирюзово, где изумрудом блещет дол, мой край родной, к тебе я снова, больной и трепетный пришел!» и получила весьма категоричное письмо от Медико Гобронидзе, которая пишет: «Бросай все и сейчас же возвращайся домой!» А я и не думала, что за три месяца меня так замучает ностальгия. Видимо, это так называемый «грузинский синдром». Когда я уезжала, жители «Барона» провожали меня с радостью: «Счастливо, хорошо отдохни и успокойся, поздравляем...» Никто не обижался, что я уезжаю, наоборот, радовались, потому что знали: я еду домой. В «Бароне» всем хочется домой. И, думаю, не существует грузинской, русской или английской ностальгии. Ею болевают любой плененный человек — независимо от того, насильственно или добровольно он попал в плен, служит его пленение целям материального или духовного характера. В случае добровольного пленения, сколько бы тебе ни платили, тебя все равно грызет невыносимая грусть. Одними эта болезнь переносится легко, другими — с трудом. Говорят, известны случаи, когда человек умирал от ностальгии...

(Окончание следует)